

*Иногда мир стоит на принципиальности.
А иногда из-за нее же и падает.*

Евгения Минаева

Человек в белом

шарфе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгения Минаева

Человек в белом шарфе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67981652

SelfPub; 2022

Аннотация

Следователь Александр Абрамов, отправляясь на допрос к очередной обвиняемой, никак не думал, что обычное уголовное дело превратится в историю, полную любви, страданий и потери. Матвеева Татьяна, проходя с женихом по темным улицам, не знала, что поздняя прогулка станет приговором ее любви, а новые отношения принесут лишь боль. Человек в белом шарфе одним взмахом ножа изменил несколько судеб. Но кто он? И в самом ли деле он – лишь хладнокровный убийца?

Содержит нецензурную брань.

Евгения Минаева

Человек в белом шарфе

Иногда мир стоит на принципиальности.

А иногда из-за нее же и падает.

Шел дождь.

Ничего удивительного, обычное дело для Питера.

Бежали по тротуару люди, подняв воротники, раскрыв зонты, быстрые, суетливые как муравьи. Катили машины, разбрызгивая воду из луж, не ясно, то ли смывая грязь, то ли пачкаясь еще больше.

Грязные машины – тоже обычное явление для Питера.

Абрамов Александр припарковался на узком пространстве между черным БМВ и выдавшей вида Волгой и, наклонив голову, словно это могло помочь спрятаться от дождя, побежал к воротам.

Очередь он занял со вчерашнего дня. Адвоката не было, но Саша и не ждал его – они договорились заранее, что Саша позвонит, если будут какие проблемы, а нет, так пообщается с обвиняемой наедине.

В самом деле, что дергать занятого человека, если все ясно по первому допросу?

В следственный кабинет была очередь, пришлось ждать.

Когда он вошел наконец в тесную дурно пахнущую комнату под номером пять, натикало уже десять утра.

Саша разложил перед собой бумаги, вытащил две ручки – одну, чтобы писать, другую – так, для подстраховки.

Он не любил, когда в самый неподходящий момент заканчивались чернила.

Отворилась дверь, и конвоиры ввели в кабинет обвиняемую. Усадили напротив Саши и ушли. Замок лязгнул, закрываясь.

Следователь и обвиняемая остались одни.

– Здравствуйте, – сказал Саша. – Меня зовут Абрамов Александр Валентинович, и я ваш следователь.

– А старый куда делся? – спросила женщина. Они всегда его задают, этот вопрос, волнуются, будто бы от того, кто расследует их дело, что-то действительно зависит. – С ним что-то случилось?

– Ничего не случилось, – Саша мог бы сказать: «Не твое дело», но зачем? Гораздо проще работать с человеком, если не относишься к нему как к говну, а он к тебе – также. – Просто у него оказалось слишком много дел, а я недавно закончил несколько своих, и вот, мне дали ваше. Просто распределение нагрузки.

– Ясно.

В кабинете установилось молчание. Саша достал копию старого протокола допроса, украдкой поглядывая на обвиняемую.

Он представлял себе ее как-то иначе. Нет, он видел, конечно, ее фотографию в паспорте, но в паспорте все выглядят прилично – все причесанные, накрашенные... А потом в обдолбанных наркоманках так сложно узнать в прошлом красивых девочек.

Эта была иной. Слишком... чистой, что ли.

Обвиняемая заметила, что следователь изучает ее и улыбнулась. Улыбка была тонкая, блеклая. Но добрая.

– С вами здесь хорошо обращаются? – спросил Саша для проформы.

– Спасибо, все вполне приемлемо. Я понимаю, что могло быть гораздо хуже, и не жалуясь.

– Если будут какие -то замечания, говорите мне или пишите.

– Предыдущий следователь мне такого не предлагал.

Абрамов лишь пожал плечами. Все работали по-разному.

– Итак, передо мною лежит ваш первый допрос – допрос в качестве подозреваемой. Я приехал допросить вас уже в качестве обвиняемой. Говорю сразу – времени у меня немного, а ваш адвокат задерживается...

– Мне не нужен Семен Петрович, спасибо. Я не скажу ничего нового. Вы можете переписать мои прошлые показания, а я поставлю подпись.

– Татьяна Эдуардовна, если вы отказываетесь от дачи показаний...

– Я не отказываюсь. Если хотите, перескажу вам все зано-

во, это займет кучу времени. Кому это надо? И – пожалуйста – давайте без отчества. Не думаю, что мне больше лет, чем вам.

Саша нахмурился. Он не любил, когда ему напоминали про возраст. Бесило, когда зэки отказывались воспринимать его всерьез, бесило, когда свидетели, так долго отказывавшиеся ходить на допросы, приходили наконец в сопровождении оперов и смотрели на него с чувством превосходства: ну как, мальчик, один ты с нами ничего поделатъ не можешь?

– Есть определённые формы общения с обвиняемыми, Татьяна Эдуардовна, и я не желаю их нарушать.

Она пожала плечами. И его это почему–то разозлило.

Он был хорошим следователем, профессионалом, и внимательно изучил ее дело. И ее личные данные – тоже. Девочка закончила не что–нибудь, а Финэк! Была на хорошем счету. Все родственники и родные отзывались о ней как о святой! Молодая, красивая, талантливая...

И она спокойно сидит тут перед ним, пока ее жизнь катится под откос! Даже адвоката взяла по пятьдесят первой, отказалась от юриста по соглашению! «Чтобы мама не тратилась».

Закоренелые преступники – и те пытались уверить всех и каждого в своей невинности. А тут абсолютно положительная девка спокойно брала на себя вину...

Бред какой–то.

– Скажите, Татьяна Эдуардовна, – закипая спросил Са-

ша. – Вам действительно плевать, что будет с вашим делом, или вы притворяетесь?

Она слегка наклонилась над столом. Поправила выбившуюся из-за уха прядку. Взглянула: остро, пронзительно.

– Мне не плевать. Но о чем тут можно говорить? Прошлый следователь показывал мне бумаги. Там все верно. Я согласна с... квалификацией. Я понимаю, что она останется прежней, каким бы мотивом я ни руководствовалась. Так зачем засорять дело и вашу голову?

– Мотив порой может иметь решающее значение... – начал Саша.

– Не в моем случае.

Абрамов немного помолчал. С одной стороны, было бы правильно переписать ее прежние показания... что-то оставалось. Он любил понимать своих обвиняемых. А ее он не понимал.

– Могу я поинтересоваться, что вас не устраивает в плане мотива? – спросил он.

– Личная неприязнь.

– А был какой-то другой?

– Не знаю точно... Просто личная неприязнь – это что-то такое... вроде ненависти, что ли. Желание сделать плохо кому-то другому. А у меня этого ничего не было. Я понимаю, бумага все стерпит, но это так глупо звучит...

– Этот мотив не влияет на квалификацию содеянного.

– Вот и прошлый следователь мне то же самое сказал. Так

какой смысл об этом спорить?

– Смысл есть, – возразил Абрамов. – Нам Верховный Суд говорит обязательно выяснять мотивы содеянного. Так что будьте добры рассказать, Татьяна Эдуардовна.

– Это долгая история.

– Это моя работа – слушать ваши долгие истории.

– Я даже не знаю, с чего начать...

– С начала.

– А, вы любите клише, – она усмехнулась.

– Бывает иногда, – не дал себя сбить Саша. – Рассказывайте.

– Александр Валентинович, давайте все–таки не будем.

– Будем. Вы не поверите, Татьяна, но вы – не единственная, чье дело мне приходилось расследовать. И – хочу сказать без ложной скромности – свою работу я привык делать хорошо.

– Ну что же, – улыбнулась она одними губами. Глаза у нее были грустными. – Тогда слушайте.

Мы познакомились, когда мне было всего двадцать.

Как это обычно бывает, на студенческой вечеринке в общежитии. Я помню этот момент прекрасно – я сидела у окна, а он зашел в комнату... и все вдруг потеряло свое значение. Я оборвала разговор на полуслове.

А он сразу же пошел ко мне.

Нам все завидовали. Говорили: «Ну надо же, какая пара,

какая красивая любовь». А она и была красивой.

Он носил мне розы. Мне нравились бледно-розовые, а еще я любила, когда из них составляли букеты, такие, с ирисами или другими сиреневыми или синими цветами. Считала это сочетание очень нежным.

Андрей смеялся надо мной, но букеты исправно покупал.

Мы любили уютные кафе и рестораны, могли сидеть в них часами... Любили гулять по вечерам, а иногда он брал у отца машину, и мы просто колесили по городу.

После окончания институтов мы решили пожениться.

В последнее время он много учился, говорил, в Политехе сильно нагружают. Я не жаловалась, сама училась. И работала – нас на последнем курсе уже хорошо брали на работу... Но мы дорожили каждой минутой, которую проводили вместе.

Был обычный вечер. Хотя нет, какой же обычный, если мы были вместе? Начало июля, дипломы защищены, родители разъехались по дачам. Мы гуляли допоздна.

Я помню, мы шли по парку, и мне вдруг стало так хорошо-хорошо. Я раскинула руки и побежала по тропинке, и мне казалось, вот-вот смогу взлететь.

А он бежал рядом, и мнилось: у нас обоих вот-вот крылья раскроются, полетим высоко-высоко...

Я смотрела на него, и думала – вот до чего же мне повезло. Он был высокий такой, статный, очень красивый. Светловолосый. Я рядом с ним, наверное, серой мышкой смотрелась.

Вы часто ходите по темным переулкам? Наверное, нет, вы же следователь, вы прекрасно знаете, что в этих темных переулках нас может поджидать.

И мы не ходили. Старались не ходить.

Мы жили рядом. Если идти прямо по Подвойского, его дом был крайним на пересечении с Большевииков, а мой – во дворах, ближе в сторону Солидарности. И тем вечером мы направлялись к нему.

А я почему–то не захотела.

Ну вот бывает так, не хочешь куда–то идти, и все. Я уперлась – пойдём ко мне. Родителей все равно нет. А у меня бутылка вина в серванте. И сыр – маасдам, его любимый.

Андрею было все равно. Он посмеялся, взял меня за руку, и мы пошли. В самом деле, мы столько же раз ночевали у меня, сколько и у него. Не было разницы.

Но в этот день была. Мы не туда повернули на этом перекрестке: пересечении Подвойского и Товарищеского.

Знаете, я никогда не думала, что один жалкий поворот может столько всего изменить...

Мы шли по улице, взявшись за руки, когда вдруг услышали крик. Андрей дернулся было в ту сторону, но я удержала. Вызывать полицию, кричать: «Пожар!». Я была готова на все, только не отпускать его туда.

Но ходить никуда и не надо было. Я сделала шаг назад, и у меня под каблуком что–то хрустнуло. Наклонила голову и увидела помаду. А потом еще туфлю, справа от меня, около

машины. А затем – как в кустах у этой машины что-то копошится.

Андрей тоже это увидел и сделал мне знак уходить. Куда там. Я очень, очень сильно боялась, но пошевелиться не могла. И мы слышали:

– Ну что ты там копаешься? Все цацки я уже снял...

И из-за угла прямо на нас вышел высокий парень: черная куртка, черная шапка. А потом еще один – точь в точь такой же, только ростом пониже. Возившийся у машины разогнулся, и мне показалось, я увидела край белого шарфа.

А потом они быстро переглянулись и кинулись на нас.

Мне потом уже рассказали: в этом дворе за минуту до нашего появления ограбили семейную пару. Женщину оглушили и оттащили в кусты, а мужчину слишком сильно ударили по голове и проломил череп. По количеству крови было понятно, что труп, значит, дело стало «мокрым». А мы оказались свидетелями этого дела.

И нас решили... убрать.

Я плохо помню, как Андрей оттолкнул меня. Он кричал что-то вроде: «Беги!», и я даже попыталась. Но, понимаете, когда тот, с белым шарфом, налетел на него, ударил в живот...

Когда Андрей согнулся, я еще ничего не понимала. Мне хотелось кричать ему: «Ну же, давай, разгибайся! Поднимайся, что ты упал?!». Я поверить не могла, что он может упасть от одного удара.

А первые двое подбежали ко мне, и я увидела нож в руке одного из них.

Я закричала, кажется, и тут второй ударил меня, затыкая. Я отшатнулась от удара, почувствовала вкус собственной крови во рту, а потом упала.

Я слышала шаги. Они удалялись. Я до сих пор не понимаю, почему тот, с ножом, не добил меня. Я сильно ударилась, из головы шла кровь, может быть, решил, что все равно умру... Не знаю, только помню, как я поползла к скорчившемуся на земле Андрею.

Он лежал скорчившись, прижав колени к груди. Я поползла к нему, взяла за плечо. И только тогда поняла, почему он упал от единственного удара. У него был распорот живот, и кровь лилась и лилась на асфальт.

Я не видела ее, просто потрогала и почувствовала липкое. Подняла ладонь к фонарю и увидела, что она вся красная. И завывала.

Остальное – как в тумане. Вроде зажигался свет в окнах. Люди вызывали скорую, полицию.

Я сидела на асфальте, держала Андрея в руках, а он уже и не дышал почти. Мне сказали, вроде как шок, а потом он просто истек кровью. Тот урод лезвие воткнул ему прямо под печень и повредил артерию...

На следующее утро, когда я пришла в себя в больнице, я вышла в коридор, хотела идти к нему, искать его, ведь он же должен был быть тут же, в Александровской.

Но вы понимаете же, он же умер... Прямо там, на асфальте, в двух шагах от моего дома... Умер...

Девушка запнулась. Слезы – крупные, прозрачные – текли по ее щекам.

Саша, словно очнувшись от сна, протянул ей упаковку бумажных платков.

Она звучно высморкалась, вытерла мокрые щеки.

– Не очень понимаю, какое отношение все это имеет к вашему делу, – осторожно заметил Абрамов.

– Я же говорила, – девушка вернула ему оставшиеся платки. – Это долгая история. Давайте ваш протокол, я подпишу его, и мы разойдемся довольные друг другом.

– Нет уж, Татьяна Эдуардовна, – Александр взглянул на часы, увидел, что на них едва ли не двенадцать, встал и начал собираться. – Так дело не пойдет. Сейчас я вашу историю дослушать не могу, у меня допрос свидетеля через час, а мне до отдела еще ехать и ехать, но, не сомневайтесь, я вернусь завтра. И мы с вами закончим.

Девушка развела руками.

Жест человека, отчаявшегося кого-то в чем-то разубедить.

Абрамов вышел из изолятора. Дождь кончился, оставив после себя на неровном асфальте глубокие лужи. Из-за серых облаков нерешительно выглянуло солнце.

Саша глубоко вздохнул и направился к машине.

В отделе его уже ждали. На стуле возле кабинета, в облаке перегарного амбре, сидел мужичонка. На нем болталась выдавшая виды кожанка, на правом рукаве которой Абрамов увидел криво приляпанную заплатку; спортивные штаны непонятного, то ли зеленого, то ли синего цвета, натягивались на острых выступающих коленях. Когда он поднял голову, услышав шаги следователя, Саша увидел испитое бледное лицо с проплешинами на тех местах, где обладатель лица удосужился пройтись бритвой.

– Вы Абрамов? – спросил мужик хриплым голосом и закашлялся.

– Я. Проходите.

Они вошли в кабинет. Коллеги Абрамова, старшего следователя Петрова, внутри не было, так что Саше еще пришлось повозиться с замком – его не первый месяц заедало и на то, чтобы попасть на собственное рабочее место, порой уходило минут по десять.

Мужик терпеливо ждал, пока откроется доступ в святое святых.

Наконец, дверь сдалась.

– Проходите, присаживайтесь, – Саша указал на стул напротив стола, уселся сам, достал из портфеля чистые листы протокола. – Паспорт будьте добры.

Братъ вонючий, замызганный документ в руки откровенно не хотелось, но пришлось. Сделав отметку в памяти – обязательно после ухода свидетеля вымыть руки – Абрамов ста-

рательно переписал данные мужика в протокол. Привычно отбарабанил фразу об ответственности за дачу ложных показаний, предупредил по ст. 51 Конституции... зачем – сам не знал, многие его коллеги это опускали, но Саша как-то с самого начала решил быть правильным следователем – и был, насколько это было возможно.

Протянул протокол для подписи, не давая свою ручку – кивая на «дежурную», привязанную ниткой (чтоб не уволокли) к ножке стола.

Свидетель расписался, машинально попытался сунуть ручку в карман – помешала веревочка, и вернул на место.

Для допроса все было готово.

– Скворцов, вы помните события 21 февраля?

– Плохо, – мужик покачал головой. – Все были пьяные: и я, и Степа, и Маринка...

– Давайте по фамилиям. Кто, кроме вас был в квартире?

– Так... Степа Стеблов, Марина... не помню фамилию, на «И» какая-то, я и, значит Миша Борман.

– Борман – это фамилия.

– А черт его знает. Его все так называют, Борман и Борман. С ним была Наташа, ее фамилию не знаю.

– Так, Наташа пришла с ним?

– Да, вроде... А может он потом ее позвал... Не помню я, выпил много.

«Вот так всегда, – с тоской подумал Саша. – Напьются, морды побьют друг другу, мебель поломают. Не повезет –

за ножи похватываются. Совсем не повезет – кто-то кого-то заперет».

Ему казалось, что «по-пьянке» в стране совершается едва ли не 90 процентов убийств.

Допрос уныло тянулся. Свидетель толком не помнил ничего. Помнил, что пришел в квартиру к друзьям, что взяли бутылку водки, и понеслось. В какой-то момент пришли еще люди, принесли еще водки. Потом кто-то из гостей оскорбил хозяйку квартиры Марину, а та схватилась за нож.

Результат: хозяйка-алкоголичка в изоляторе, труп, бывший Борманом, на столе у патологоанатома, он, Саша, вынужден сидеть в кабинете, стремительно пропитываемом духом перегара, и выслушивать свидетеля, по десятому разу заводящего одну и ту же шарманку.

Спустя два часа он, утомленный больше некуда, вышел на свежий воздух. Пахло весной, и он подумал, не случайно ли, что в его практике именно весной встречались самые неприятные преступления? Самые психологически сложные для него?

Было ли это вызвано общим настроением людей, ждущих чего-то хорошего, а потому болезненно реагирующих на плохое? Или это его собственное настроение стало виной его же болезненному восприятию?

Зазвонил в кармане телефон.

– Да, Настя, – ответил Саша.

– Когда ты будешь? – спросила она. Спокойным буднич-

ным тоном, уже в который раз не рассчитывая получить ответ «скоро». – Я тут треску вроде неплохую купила, да бутылочку Совиньон Блан взяла.

Саша представил треску, нежную, ароматную, исходящую соком. Представил гарнир к ней – что–нибудь свежее–овощное. И бокал, красивый дутый бокал, до середины налитый белым ледяным вином.

Вздыхнул с сожалением, отгоняя прекрасное видение.

– Через пару часов, не раньше, Насть. Мне еще с бумагами поработать надо.

– Ну давай, только не затягивай, – ответила прекрасная, самая терпеливая в мире женщина. – Иначе ни рыбы, ни вина тебе не достанется.

Абрамов повесил трубку и понуро повололся в отдел.

По дороге вспомнил, что завтра снова ехать к Матвеевой.

И настроение стало еще гаже.

В изоляторе было пусто. То ли виною был хороший день, на редкость теплый и ясный для Питера, и многочисленные адвокаты решили провести его вне сырых унылых стен, то ли что–то еще, но кабинеты были не заняты и Саша без труда выбрал себе попрличнее и попросторнее.

Матвееву ввели спустя десять минут.

– Здравствуйте, Александр Валентинович, – сказал она, едва появившись на пороге. – А я, признаться, не думала, что вы такой обязательный, и не ждала.

– Если я обещаю, я делаю, Татьяна Эдуардовна, – ответил следователь.

Она улыбнулась и села на скамейку напротив.

Сегодня она выглядела совсем по-другому. Волосы, вчера убранные в хвост, она сегодня распустила, да так, что они занавешивали левую половину лица. Двигаясь, она старалась, чтобы густая черная волна оставалась на месте.

Абрамов подошел к ней и бесцеремонно убрал локоны с девичьей щеки. Так и есть. На скуле отчетливо виднелся след от ногтей.

– Тааак... и кто это тут постарался?

Матвеева тряхнула головой, возвращая волосы на прежнее место.

– Не важно. Мы уже разобрались.

– Татьяна Эдуардовна!

– Я же сказал, Александр Валентинович, мы разобрались.

У меня это не первый в жизни конфликт.

– Я не думаю, Татьяна Эдуардовна, судя по вашему прошлому, что в вашей жизни случались конфликты, в ходе которых вам под ребра могли загнать перо. Это вам не цивилизованные люди, это, говоря простым русским языком, быдло.

– Ну, если я сижу среди них, то, вероятно, тоже отношусь к быдлу, а значит, бояться нечего, – холодно бросила Матвеева.

Абрамов замолчал.

Он не хотел ее обидеть. Совсем наоборот. Ее, отличную от других, он особенно выделял и выделял в положительном плане. Если бы он возбуждал это дело, он бы не вышел в суд с ходатайством об аресте. Ему претила мысль о том, что такая приличная девушка может сидеть... ну да, с быдлом.

Матвеева, видимо, тоже что-то такое для себя поняла.

Она улыбнулась, мягко, извиняясь своей улыбкой, и Саша вдруг улыбнулся в ответ.

– Ну, приступим? – спросил он, доставая ручку и бумагу.

К его удивлению, она покачала головой:

– Сначала у меня есть одно условие.

– Какое? – удивился Александр.

– Я рассказываю слишком личные моменты своей жизни, и я не хочу делать это для человека, который со мною «на Вы».

Саша задумался, но лишь на мгновение.

– Тогда и ты меня тоже – «на ты».

Она кивнула.

И рассказ пошел.

Когда я немного пришла в себя, меня начали таскать к следователю. То есть, сначала он пришел в больницу, но я была в таком состоянии, что связных показаний у меня взять не удалось.

Целую неделю я сидела на успокоительном. Слезы текли и текли, я то и дело ударялась в истерику.

Мама дежурила у моей кровати, убирала все острые предметы. Боялась – руки на себя наложу.

Я сама не могу понять, как пережила эти страшные недели. Помню, что долго отрицала очевидное, уверяла и себя, и окружающих, что Андрей просто не мог умереть.

Его похоронили без меня, этого его родителям я так и не простила. В самом деле, ведь могли же подождать, пока меня выпишут из больницы?! А так, не дать в последний раз увидеть, прикоснуться, поцеловать...

Я пришла на могилу на третий день после похорон. Они не скупилась, его родственники, купили приличный участок земли. Видимо, сами потом рядом лечь рассчитывали. Небольшой холмик на этом пространстве казался таким... одиноким.

Все вокруг было завалено венками. С лентами, черными с золотыми надписями лентами.

От мамы и папы. От бабушки. От тети. От дяди. От сестры – видимо, двоюродной, он единственный ребенок в семье был.

Понимаешь? От всех по венку, а от меня – ни одного. Словно и не было его в моей жизни, а меня – в его.

Я была с этим не согласна. Я принесла с собой охапку роз: огромных белых роз. Я скинула с холмика его могилы эти венки, мерзкие искусственные венки, и понатыкала роз везде, где было можно.

На следующий день я приехала снова.

На его могиле никогда никто не видел увядших цветов.

Андрея не было, но жизнь пыталась идти. Я уже сказала, меня таскали по допросам. Несколько раз водили на опознание, предъявляли каких-то мужиков, совершенно одинаковых на вид. А я, да что я могла? Я же не видела нападавших. Их лица были в тени.

Долгими ночами я лежала без сна, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь о человеке с белым шарфом. Но не вспоминала. Я не могла описать ни его рост, ни осанку, ни походку. Словно он был призраком.

Призраком, пришедшим с того света, чтобы убить Андрея.

Я знаю, следствию немного помогли показания второй пострадавшей. Ей тоже было плохо, у нее убили мужа, но то ли она не слишком сильно его любила, то ли легче переживала стресс. Она описала каждого из трех, и именно из ее описаний я узнала о молодом худощавом мужчине славянской внешности, ростом 170–175 см, в черном пальто.

И все.

Это были единственные приметы человека, отнявшего у меня мою любовь и мою жизнь.

Ты, должно быть, понял, дело стало типичным «глухарем». Я билась как рыба об лед, мучилась, звонила следователю, пытаюсь узнать, что, ну может быть, в деле есть какие-то подвижки.

В конце-концов я утомила его и он сказал, что производ-

ство по делу приостановлено в связи с розыском.

Но я—то знала, что они никого не найдут.

И мою боль дополнил гнев. Я люто ненавидела мерзавцев, убивших Андрея, а больше всех — того самого с белым шарфом, того, кто нанес тот смертельный удар. Веришь или нет, я за него даже свечку перевернутую в церкви поставила. Плакала и говорила себе, что попадись он мне, и я отомщу. Поступлю с ним так же, как он поступил с Андреем. Зарешу как собаку. Я поднималась по утрам и произносила эту клятву как мантру, дающую мне сил прожить еще один день. Засыпая, я напоминала себе, что настанет новый день, и, может быть, тогда я приведу то, в чем клялась, в исполнение.

Я никогда раньше не хотела, чтобы другому человеку было так плохо...

Матвеева замолчала. Задумалась, одинокая слеза потекла по ее щеке. Абрамов, уже готовый к такому исходу, протянул ей пачку бумажных платков.

Она плакала молча, и от этого было еще тяжелее. Так плакала Настя, когда ее кто—то обижал: молча, без единого всхлипа. Страшно, потому что в рыданиях облегчается душа.

— Хочешь, мы продолжим завтра? — спросил он неожиданно для себя, хотя решил уже, что не может позволить себе потратить еще один день на этот допрос.

Матвеева кивнула.

Договорившись с сотрудниками изолятора и забронировав себе на завтра кабинет, Абрамов вышел во двор. Адски хотелось курить, и он машинально искал пачку сигарет в кармане, пока не вспомнил, что ее там нет и быть не может. Курить он бросил пять лет назад.

Зазвонил телефон.

– Саш, ты далеко? – послышался в трубке голос Петрова. – У меня тут аврал полный, а на Дыбенко опять поножовщина с потерпевшим. Ты не съездишь, а?

– Съезжу, – обреченно вздохнул Абрамов.

Если Настя и ждала его домой этим вечером, видимо – зря.

Домой он не вернулся. Потерпевший пришел в себя в больнице и пришлось ехать к нему, брать показания. Случайный знакомый, оплативший хозяину квартиры за гостеприимство ножом в легкое, скрылся с места преступления, и искать его следовало по горячим следам: убегая он прихватил магнитофон и утюг.

Опера прочесывали ближайшие скупки и ломбарды, но вещи пока не всплыли. Саша надеялся, что потерпевший скажет ему хоть имя нападавшего...

В поездках и бумажной работе пролетел весь вечер, и ехать куда-то уже не было никакого смысла. Абрамов достал из шкафа в кабинете постельное белье, свежие носки и зубную щетку. Тюбик зубной пасты сиротливо скукожился в

уголке на полке – Петров в последнее время тоже часто ночевал на работе, а пасты он использовал много.

Запиликал телефон.

Настя прислала обиженный смайлик с пожеланиями доброй ночи.

Саша устроился на продавленном диване и, уже проваливаясь в сон, пообещал себе, что уж на этот Новый Год обязательно свозит ее в Прагу.

Как обещал летом. И год назад.

На следующий день в десять утра он снова сидел в следственном кабинете следственного изолятора № 5. Он не очень понимал, что тут делает, но что-то сильнее его самого тянуло его в эту комнату к женщине, по его просьбе рассказывающей ему о своей судьбе.

Ее история интриговала. Он боялся признаться себе в этом, но он хотел знать ее развитие, несмотря на то, что конец был ему известен. Он понимал, что только так расставит все точки над не существующей в русском алфавите буквой, уберет нестыковки в показаниях свидетелей.

Поймет наконец, что Матвеева Татьяна Эдуардовна делает в этом проклятом Богом месте.

Ее привели, и она встретила его новой улыбкой. Ее совершенно необыкновенно теплой, но очень грустной улыбкой.

Он привычным жестом положил бумаги с ручкой на стол, хотя понимал – ему опять нечего будет записывать, и приго-

товился слушать.

Тому не понять, кто не испытал подобного. Это жуткое ощущение, когда мир вокруг тебя рушится, и ты падаешь вниз, в темноту, вместе с его обломками. Тянись – не тянись, до краев уже не достанешь.

Что толку рассказывать, как я жила? Целый год каждый новый день ничем не отличался от предыдущего. Мрак. Полная беспросветность тянущегося существования.

Я порвала связи со всеми друзьями. Знаешь, когда каждый день кто–то ноет об одном и том же, это утомляет. Но ноющему–то не надоедает говорить. Сначала меня утешали. Потом уверяли, что пора бы уже успокоиться, что надо жить дальше... Полная херь. Как будто можно после такого жить дальше. Как будто можно забыть о случившемся.

Потом меня просто перестали слушать, и я решила – к чему мне такие друзья? Они хотели, чтобы я смеялась, а мне хотелось плакать. Я стала делать это одна.

Иногда я курила, но это не приносило облегчения, как и алкоголь. Облегчение приносил только сон – я полюбила его, потому что таким способом половина суток выпадала из моей жизни. В общем, я тупо жалела себя.

Целый год.

А потом что–то изменилось. Не то, чтобы я решила жить как раньше, но я внезапно поняла, что жить придется. Впереди было еще много лет – я принципиально не из тех, кто

кончает жизнь самоубийством, а значит, надо как-то мотать свой срок на земле. И я начала рисовать.

Сначала это была сущая ерунда – что-то для себя на обрывках бумаги. Но ерунда вдруг переросла в серьезное увлечение, и внезапно я стала писать всерьез. Картины у меня были мрачные: с кладбищами, крестами, воронами. Они мне не нравились, но не из-за своего настроения. Просто в какой-то момент я поняла, что рисую плохо.

И я решила делать это хорошо.

Я не сразу нашла подходящую студию, но в конце-концов у меня все получилось. Небольшое полуподвальное помещение с арками из красного кирпича и мягким освещением. По-своему даже уютное. Хороший педагог, не лезущий в душу – просто помогающий сделать так, чтоб было красиво.

Там я познакомилась с человеком, навсегда изменившим мою жизнь.

Я сказала уже, что полностью исключила из жизни друзей, и я не лгала. Люди не были мне интересны. И он поначалу не интересовал меня как человек.

Меня заинтересовало его творчество.

Сперва я долго приглядывалась к его загадочным картинам в синих тонах. Они раздражали меня, и я сама не понимала, почему. Потом поняла – я завидовала. Он мыслил настолько отлично от всех, кого я до этого знала, что это привлекало.

Я ставила свой мольберт позади него и смотрела, как он

творит.

А однажды, когда я шла пешком до метро, он меня догнал. Я всегда ходила быстро, размашисто, мама меня ругала и говорила, что у меня «походняк как у мужика», но я ничего не могла с собой поделывать. И не хотела, если честно.

А он шел так же.

Некоторое время мы молча шли рядом, а потом он вдруг сказал: «Надо же, впервые встречаю человека, который ходит быстрее меня».

«Это я еще на каблуках» – ответила я.

Так и повелось, что после занятий мы шли вместе.

Не думай, он не нравился мне физически. Он был невысокий и слишком худой. Нос у него был слишком длинный, а волосы невыразительно русые. Иногда я смотрела на него и думала: «Какой гадкий мальчик». Но, понимаешь, когда изо дня в день идешь с кем-то до метро, поневоле начинаешь разговаривать. И мы говорили.

Он был умен. Я, со своим бухгалтерским образованием, не смыслила ничего в темах, о которых он рассуждал. Он говорил о психологии, психоанализе, даже эзотерике. Мне, чуточку окунувшейся в мир искусства, он рассказывал об истории возникновения пейзажа, о пленэре, об импрессионистах, пуантилистах, сюрреалистах... Говорил, что Моне был гениален, но больше всех он уважает Сезанна – за настойчивость и целеустремленность. Что его бесит, когда Ван Гога считают пустышкой с придурыю, ибо работы его осмыслен-

ны. Сетовал, что простой люд ничего не понимает в Кандинском...

Это был другой мир, и он открывал мне его. Я словно заглядывала за кулисы театра, видела подноготную пьесы, что играли без меня.

У него были совершенно отличные от моих вкусы. Я любила итальянскую кухню. А он ел в каждой забегаловке, показавшейся ему более или менее любопытной. Мне казалось, что спорт должен быть частью жизни каждого. А он говорил, что в спортзале чувствует себя хомяков в колесе, и ему пофиг, если он плохо выглядит.

Я смотрела на его лицо – оно всегда было каким-то... самодовольным – и думала, что зря он слишком высокого о себе мнения.

В один из совершенно обычных дней он остановился, метров на триста не доходя до входа в метрополитен.

– Я пойду перекусить, – сказал он.

А я, неожиданно для себя, спросила:

– Куда?

– В Тан Жен. Китайский ресторан на Гороховой.

И я снова спросила:

– А можно с тобой?

– Пошли.

Мы говорили. Точнее, больше он говорил, я слушала. Мне казалось, когда я говорю, ему неинтересно, а все, что я произношу – наивно. Он уверял в обратном: что ему интересно

со мной, но мне казалось – он лжет. Я не чувствовала никакого интереса с его стороны.

Мы говорили об отношениях. О его отношениях с бывшей девушкой, и мне показалось – он все еще любит ее. Они глупо расстались, и я посчитала своим долгом обратить его внимание на этот факт.

– Слишком много воды утекло, – сказал он и свернул разговор.

Мы начали ходить ужинать вместе. Это было редко, но я стала ловить себя на мысли, что уже жду этого, предвкушая интересную беседу и еду, которая пришлась мне по вкусу.

Ты ел когда-нибудь салат из острой говядины? А стоит...

Он мне никогда не писал. Лишь один раз, рассуждая об автомобилях, прислал какую-то фотку, и на этом все. Хотя в социальных сетях он сидел.

Ты понимаешь? Я уже за этим следила.

Потом в нашей студии была выставка. Я выставила две картины: два пейзажа с мелкими фигурками людей. Мне они не казались чем-то особенным, и я была удивлена, когда ко мне подошел хозяин нашей мастерской.

– У тебя хорошие картины, Таня, – сказал он. – Знаешь, сейчас в мире очень много красивых картин. Но мало добрых. А твое искусство доброе.

– Странно, – я помню, я тогда засмеялась. Мне было неловко. – А я –то всегда считала себя злой.

– А добрый человек никогда и не скажет о себе, что он

добрый. Это видно по его работам. Знаешь, у художников это очевиднее всего. Ваш характер проявляется в картинах.

И я увидела, что он бросил неодобрительный взгляд в сторону работ Стаса.

Ах да, я только сейчас поняла, что не сказала тебе имени. Стас. Его звали Стас. И я считала его работы лучшим, что было на выставке, поэтому чужой неодобрительный взгляд меня очень обидел. Я чувствовала себя оскорбленной за него, я не хотела, чтобы о нем кто-то плохо думал.

Ты понимаешь? Я уже начала идеализировать его.

Эта муть продолжалась полгода. Мы разговаривали. Но только на занятиях и после них. Мы не звонили друг другу. Не просили друг друга о встречах. Мы жили так, словно нас друг для друга не существовало. Настало лето.

Мы собрались на пленэр. Нас было восемь человек и между собой мы решили, что много рисовать не будем. Пару часов утром, пару часов вечером, когда освещение наиболее интересное. Решили купаться и жарить шашлыки. Обсуждали все это в группе Вконтакте. И за два дня до отъезда он написал: «Извините, не еду. Дела».

И я тоже дала задний ход. Понимаешь, я вдруг отчетливо поняла, что меня мало привлекали пленэры (я ненавижу их, если честно, ненавижу работать в неудобных условиях, то в жару, то под дождем, когда комары кусают руки, на мокрый холст, который потом непонятно как тащить до дома, налипают мухи). Я не хотела никаких шашлыков. Это время я

воспринимала как возможность подольше побыть с ним.

Я была в шоке. Спрашивать, что там у него такого случилось, было глупо – он мог отделаться кратким «дела». Даже если он и брался что-то объяснять в таких ситуациях, объяснения выглядели скупо.

Я не хотела верить в то, что со мною происходило. Я смеялась над собой, говорила: «Ну, просто ты слишком долго была одна. Это пройдет. Ты же не можешь всерьез испытывать чувства к этому парню».

А сама украдкой смотрела на его профиль, и нос его уже не казался мне длинным.

Я возобновила отношения с некоторыми бывшими подружками. Они восприняли мое возвращение «из мира мертвых» с облегчением – то ли волновались за меня, то ли им было стыдно. Они не понимали, что я по-прежнему использовала их: только теперь вместо жалоб они слышали от меня рассказы о моей художественной деятельности... и о Стасе.

Когда все это перешло в другую фазу? Честно говоря, не знаю. Просто понимаешь, иногда он вел себя как принцесса. То не хочу. Се не хочу. Ничего мне не хочется, ничего мне не нравится. И я начала ему потакать.

Таскала его пить кофе. Водила в любимый Тан Жен. Осознавала, что он идет мне навстречу только тогда, когда хочет сам.

Знаешь, его невозможно было уговорить делать то, чего он не хотел...

Когда это все переросло в любовь?

Не знаю...

Понимаешь, я всегда считала, что любовь – как первый снег, как половодье, как приливная волна, захлестывающая тебя с головой... Я думала – ведь ее невозможно не заметить. Уж я должна бы почувствовать, если б она пришла, ведь она же была у меня, эта любовь, ведь я же помню, что ощутила, увидев в первый раз Андрея...

Хрен там!

Она подкралась ко мне как разбойник из-за кустов, а когда я собралась бежать, она уже приставила мне нож к горлу.

У меня мама любит Ваенгу. Ходит на все ее концерты и периодически, под настроение, напевает ее песни. Там есть одна такая под названием «Снег». В ней такие слова: «Я опять вернулась к городу на побережье. Мама, я забыла гордость. Но я узнала, что такое нежность».

Могу сказать – никакой нежности я не узнала. А вот гордости у меня не стало. Совсем.

Я читала где-то, ученые проводили эксперимент. Сажали одну крысу в клетку и в определенное время давали сыр. Каждый день. Крыса относилась к нему наплевательски, потому что он был, хоть и вкусный, ароматный – легкодоступным. А второй – тоже в клетке – сыр давали иногда... и ожидание сыра заставляло ее волноваться. Заставляло ждать этого сыра.

Знаешь, я приходила на занятия, а его там не было. И я

жалела что пришла.

А иногда шла, чтобы писать, зная, что его не будет... И сердце заходило, когда я видела его вихрастую русую голову.

Он стал для меня сыром. Желанным, трудно получаемым, но оттого еще более вкусным.

Понимал ли он, какое воздействие оказывает на меня? Не знаю. Одна подруга говорила, что он дурак, как и любой мужик просто не видит, что я им интересуюсь. Другая – что он сволочь. И водит меня за нос.

А я идеализировала его и мне казалось – все в моих руках. Но в то же время я чувствовала, как предаю Андрея...

Она замолчала, задумавшись. Саша ее не отвлекал. Чистый лист так и лежал нетронутым на краю стола.

– Можно мне воды? – спросила Татьяна.

Абрамов кивнул, достал из портфеля бутылку минералки и протянул ей. Смотрел, как она жадно пьет.

Наконец, она поставила бутылку на стол.

– Сейчас начинается самое сложное и неприятное. Ты уверен, что мне стоит продолжать?

– На все сто.

– Ну ладно...

Я металась. Самой себе я казалась низкой, испорченной женщиной, практически шлюхой. Я поверить не могла, что

могу так поступать, ведь я любила, я все еще любила своего погибшего жениха! Я все еще тосковала по ночам, думая о нем, ездила к нему на могилу, надеялась, что Бог отомстит за его смерть.

Но при этом я думала и о другом. О человеке, которого я просто не могла любить, но к которому тянулось мое сердце, к которому обращались мои мысли.

Он был глотком жизни для меня, и я не могла прожить без его общества и недели.

У него появилась девушка.

– Так это была ревность? – удивленно спросил Абрамов, остро сожалея, что столько времени потратил на такую ерунду. – Банальная ревность?

– Ничего ты не понимаешь! – впервые за все время, что он ее наблюдал, Матвеева разозлилась. – Мне было плевать, кто там у него есть! Мне было бы плевать даже, женись он и заведи детей. Ты понимаешь вообще, что такое любовь?

Она замолкла, и Александр понял, что вопрос далеко не риторический. Он кивнул.

Татьяна успокоилась. Сделала еще один глоток из бутылки, перевела дух. Сказала, уже спокойнее:

– Вот скажи, ты любил когда-нибудь?

– Ну, – Саша замялся. На допросах вопросы задавал он, но он же и понимал теперь – не ответь – и честно к тому же – Таня перестанет говорить. – Любил конечно.

– Кого?

– Свою девушку.

– И что с нею стало?

– Ничего не стало.

– Она до сих пор рядом с тобой?

– Тань, к чему эти вопросы? Да, она со мной, мы живем вместе.

Таня замолчала. И молчание ее было таким выразительным, что Саша невольно подумал – ну да, живем. Но долго ли? Как долго Настя еще будет терпеть его отлучки? Его выходные на работе? Сколько времени пройдет, пока она встретит кого–то другого, такого, кто не будет пропадать невесть где, а потом возвращаться домой со страшными историями.

Таня, словно поняв его молчание, удовлетворенно кивнула. Теперь, выяснив что–то про него, она готова была рассказывать и про себя.

– Тогда ты должен понимать, что это не имело ни малейшего значения. Если можно любить умершего человека, любить яростно, отчаянно, почему нельзя любить человека, увлеченного другой? Нет, для меня это не имело никакого значения...

Да, это не значило для меня ничего. Вообще ничего. Он рассказывал мне о ней, и я слушала спокойно. Ее звали Алиса, и она «выносила ему мозг». Звонила по десять раз на дню и пачками писала сообщения, два раза в неделю – как по

расписанию – закатывала истерики. А он только смеялся и говорил, что любит истеричек.

Мне хотелось сказать, что я тоже могу закатывать ему скандалы.

Я видела ее, знаешь. Она была сильно его моложе, почти девчонка, а ему это нравилось. Не могу сказать, что она была красива, мне было даже обидно, что мой... любимый... может быть увлечен такой скромной персоной.

Они ругались. Он рассказывал об их ссорах, а я давала ему советы, постепенно понимая – они не созданы друг для друга, они разойдутся.

Так и случилось. Она довела его и он, бросив что-то вроде: «Секс два раза в неделю не стоит таких страданий», выключил телефон. В тот вечер мы вместе пили кофе.

Потом он провожал меня до метро. У самого входа я остановилась и крепко его обняла. И – впервые со дня нашего знакомства – поцеловала в щеку.

Кожа у него была мягкая как у ребенка. Словно бочок персика. Будто бы его лицо никогда не знало бритвы.

Так больше нельзя было жить. Я не могла быть ему другом, да и не хотела. Мне казалось – надо лишь сказать ему о моих истинных чувствах, и что-то изменится.

О, как же я ошибалась!

Однажды я начала говорить о нас. Я сказала, что мне интересно с ним и хорошо. Он ответил, что ему тоже. И, практически без перехода, сказал, что между нами ничего не мо-

жет быть.

Сложно представить всю степень унижения, которое мне пришлось испытать. Это была боль, дикая боль, и она рвала меня изнутри. А он говорил и говорил, о том, что ему со мной очень классно, что я его друг, что я как женщина ему «вообще никак».

Мне с трудом удалось сохранить лицо. Я уехала домой, и там, запершись в своей комнате на все засовы, плакала и плакала, пока не уснула.

Я всегда думала, что это нормально, когда люди говорят о чувствах. Почему нет, мы с Андреем так делали. Но никак не предполагала, что можно встретиться через два дня после такого разговора и общаться так, будто ничего не произошло.

Боже, как я старалась это прекратить! Я не виделась с ним и не писала ему неделями. А потом включала комп... и находила письмо от него. Что-то вроде «Привет! Как дела?».

И все начиналось сначала.

Он стал для меня героином, наркотиком, от которого я не могла отказаться.

Это напоминало игру. Страшную, жестокую – игру. Он словно экспериментировал со мною, глядел, как долго я еще смогу вынести. Я держалась как могла, но все равно рано или поздно срывалась.

Понимаешь, я не могла без него. Понимая, что лучше всего будет написать ему что-то вроде «Не хочу с тобой больше

общаться», я не делала этого. Напротив, старалась быть как можно ближе, надеялась непонятно на что... И снова и снова заводила разговор о своих чувствах...

Как будто было еще что-то, о чем следовало поговорить.

Татьяна вновь замолчала, Абрамов взглянул на часы. И ужаснулся. Через десять минут у него был назначен допрос потерпевшего.

Он на него не успевал.

Наскоро попрощавшись с Матвеевой, пообещав, что вернется так быстро как сможет, он вылетел на улицу, набирая номер Петрова. Тот снял трубку после второго гудка.

– Слава, спасай! Там в коридоре женщина должна сидеть. Потерпевшая. Пусть никуда не уходит! Не знаю, обеспечь это как хочешь, хоть паспорт у нее забери, пусть ждет меня. Я буду, буду, скоро буду!

Спустя два часа, пережив жуткий скандал и обвинения в напрасно потраченном чужом времени, он наконец-то вложил протокол допроса в дело. Чувствуя себя выжатым как половая тряпка, запустил кофеварку. Налил себе темноватой вкусно пахнущей бурды и протянул остатки коллеге.

– Что-то ты в изолятор зачастил, – по-доброму подколот Петров, наливая себе кофе.

Положил два кусочка сахара, подумал, добавил еще один. Саша его не остановил, хотя знал, что коллега в очередной раз сел на диету. Ему было жалко Петрова, особенно жалко,

когда тот с гримасой отвращения на лице открывал контейнер с обедом, приготовленным ему женой.

«Кроличья еда».

– Работаю, Слав, работаю.

– Да долго что–то. Уже не влюбился ли ты в нашу обвиняемую?

– Да что ты, Слав!

– Ну –ну, – Петров усмехнулся... и положил в чашку еще кусочек сладкого яда. – А то смотри... Вон у меня, Ленка смотрит какой–то сериал про то, как следак в зэчку влюбился. Слезы крокодила льет... Мура такая, Саш! Я ей говорю: «Ладно актеры дерьмо. Ладно сюжет тупой. Но хоть бы кодекс какой почитали, прежде чем снимать! Никакой правды – ни по УК, ни по УПК...»

– А жена?

– Говорит, бесчувственный я. А правда, Саш, у тебя проблемы какие–то? Если что, ты говори, мы ж не чужие люди. Поможем если чего...

– Нет, Слав, спасибо, – Абрамов взял остывающую чашку и пошел к двери. – Спасибо, у меня все нормально.

– Ну смотри, – сказал Петров.

В голосе у него звучало сомнение.

Он не приехал к Матвеевой ни на следующий день, ни после него. Они встретились – мельком – лишь в суде, где ей в очередной раз продлили срок содержания под стражей. Он

сослался на занятость. Она вроде бы поняла и поверила. Видела – он не врал. Заваленный ворохом бумажной работы, Абрамов едва успевал спать по пять часов в сутки, да обедать – прямо за рабочим столом. Работал как проклятый, каждый вечер звоня Насте. Только для того, чтобы сказать – он не придет...

А время утекало сквозь пальцы...

Саша допросил Ипатову – ту самую Марину, зарезавшую Бормана. Долго слушал про то, как она «не хотела убивать». Они все «не хотят». Думают, что в человека, как в куклу, можно воткнуть нож, и ничего не случится? Да нет... Скорее оправдываются. Человеку сложно быть честным с другими, но еще сложнее – быть честным с собой. Сложно признаться себе в том, что ты – убийца. Гораздо проще увериться в обратном.

Например, в том, что убивать не хотела...

Она вызывала у него отвращение, эта Ипатова. Гнусная баба тридцати пяти лет, лишь по случайному стечению обстоятельств не попавшая в поле зрения правоохранительных органов раньше. Толстая, обрюзгая, с наглым взглядом поросячих глазок, она пыталась казаться лучше, чем была на самом деле, но Саша, многое повидавший в жизни, видел ее насквозь.

Матвеева была совсем не такой...

Его тянуло к ней. Пришла экспертиза по ее делу, все свидетели, в том числе и безостановочно плачущая мать, были

допрошены. Не хватало последнего допроса Татьяны. Затем – составление обвинительного заключения, ознакомление с материалами дела... Направление дела в суд.

Он этого не хотел. Он знал, что уже завтра может закрыть это дело и выкроить, наконец, время для него с Настей, отвезти ее хоть на пару дней за город, расслабиться.

И не мог. Почему–то понимал, что не сможет спокойно смотреть в глаза любимой женщине, не разобравшись сначала с делом Матвеевой.

Но если Настя и могла как–то его понять, сжав губы, сдерживая рвущийся наружу протест – ну почему, почему всегда важнее работа, а не мы с тобой – то начальство Сашу понимать не хотело.

Заканчивалось обычное еженедельное совещание. Зашуршали собираемые бумаги, заскрипели отодвигаемые разномастные стулья в кабинете Панова. Абрамов – как и остальные – собрался уходить.

– Саш, останься пожалуйста.

Испытывая неприятные предчувствия, Александр опустился на стул. Коллеги уходили из кабинета, бросая на него полные сожаления взгляды. Все знали – единственное, почему Василий Георгиевич мог оставить сотрудника после совещания – чтобы его пропесочить.

Так было и в этот раз.

– Ты что такое творишь? – рыкнул руководитель, едва лишь за последним из сотрудников захлопнулась дверь.

– Вы о чем? – ни на что, впрочем, особо не рассчитывая, Саша широко раскрыл честные глаза.

– Не строй из себя дурака! Дело Матвеевой. Что с ним?

– Расследую, Василий Георгиевич.

– Расследует он! А какие сроки у тебя для расследования – знаешь?

– Знаю, Василий Георгиевич.

– Знает он! Сколько продляться можно?! На тебя в суде при продлении меры пресечения как на дурака не смотрят, нет?! А зря! В Москву на продление ехать захотел?! Ну, что молчишь, отвечай!

– Не будет Москвы, Василий Георгиевич...

– Не будет... Ты вот что скажи – ты что тянешь? Дело ведь очевидное! Есть свидетели, экспертиза... все вылизано как у кота яйца! А ты через день в изоляторе. Я спрашиваю у Трофимова: «Где Абрамов?», а он мне: «Матвееву допрашивает». Сколько можно, Саш?! Чего такого ты от нее добиться хочешь, чего раньше не слышал?!

– Я ясности в деле хочу, Василий Георгиевич, – Александру надоело, наконец, терпеть. – И честности! Чтоб все правильно было.

– Правильно ему! – Панов вскочил, оперся на стол обеими кулачищами – каждый величиной с футбольный мяч, и взревел. – Ясности ему! Честности ему! Ты, сука, следователь или мать Тереза?!

Абрамов сидел потупившись. Он понимал правоту своего

начальства, понимал, что по-хорошему, в деле не осталось ничего непонятного, и будь обвиняемым кто-то другой, давно бы уже дело рассматривалось в суде... Но Таня...

– В общем так, – выпустивший пар начальник вновь уселся за стол, поправил воротник. – Что хочешь делай, но у тебя неделя. Чтобы в следующий понедельник дело лежало у прокурора. Иначе разговаривать с тобой будем по-другому. Ясно?!

Саша кивнул.

– Ну так пошел работать!

Абрамов молча поднялся и вышел из кабинета.

У него оставалось пять дней...

На чем я остановилась в прошлый раз?

А, помню. На том как я сказала ему о своих чувствах... и на том, что он ответил.

Знаешь, это терзало меня. Рвало меня на кусочки. Я истекала кровью, а он этого словно не видел.

Иногда мне казалось – еще ничего не кончено. Я ведь любила его, понимаешь, а когда любишь, кажется, что просто не может случиться такого – чтобы вы, да не были предначинаны друг другу.

Я могла быть спокойной, не видя его. И даже видя – тоже могла. Но одно смс, один его взгляд...

Да что там рассказывать.

Наступил переломный момент. Понимаешь, это... чув-

ство... оно накатывало на меня волнами, волнами боли.

Однажды вечером, когда родители уехали на дачу, я написала ему: «Привет. Как ты?». Он ответил: «Хорошо. Ты как?». И меня прорвало. Понимаешь, накануне мы бродили по городу и проходили около его дома. И он сказал – прямо так, откровенно, что пригласил бы меня, но не будет. И получив его сообщение...

Это было как цунами. Оно завертело, закрутило меня, швырнуло в самое сердце шторма, и я не могла уже из него выбраться.

«Плохо, – написала я. – Мне плохо без тебя. Я не знаю, Стас, что со мною происходит, но меня влечет к тебе».

Через минуту я получила ответ: «Мы друзья. Между нами больше ничего быть не может».

Я разозлилась. Да, я в самом деле злилась на него, и мои пальцы, словно независимо от меня, набрали сообщение: «Если мы друзья, то и веди себя как друг. То, как ты со мною обращаешься, очень мало похоже на дружбу. Ты то поощряешь меня, то отталкиваешь».

Не знаю, чего я ждала. Знаешь, он был такой человек – часто, отправив ему сообщение в утвердительной форме, можно было не ждать ответа. Вроде как ответ и не предполагался. Поэтому я дописала: «Что мне делать?».

Он прислал: «Не знаю. Я так больше не буду».

Я написала: «Я люблю тебя, по-моему».

Что бы ты ответил на такое сообщение?

Он написал: «Ясно».

И мне успокоиться бы... но знаешь, после всего, что я уже сделала, было поздно отступать. Я думала: что же, в конце-концов, мы с ним можем больше никогда не увидеться. Я могу бросить живопись или поменять студию. Я могу оставить этот позор позади.

Понимаешь, я любила Андрея, и эта любовь была чистой. К моему же чувству к Стасу примешивалось сильное половое влечение. Он это знал...

Ты не читал Ирвинга? Зря. Это хороший писатель, я думаю – один из лучших ныне живущих. У него есть роман под названием «Отель Нью-Гемпшир». Он много о чем, но в том числе – об инцесте.

Нет, никакой грязи, я имею в виду лишь любовь. Любовь недозволенную, неправильную, но такую сильную, что в определённый момент с нею нужно что-то делать, иначе как жить дальше? Герои этого романа – юноша, от лица которого ведется повествование, и его сестра – они оба понимают это. И, чтобы недозволенное чувство больше не вставало между ними, они проводят вместе ночь. Всего одну, но это ночь, полная секса настолько, что спустя часы, проведенные вместе, его уже слишком много, так много, что приходится заставлять себя им заниматься.

Понимаешь? Выбивать клин клином.

Метод «Отеля Нью-Гемпшир» не работает. Рано или поздно люди приходят в себя даже после самых бешенных

ночей, и им хочется еще. Но я, как утопающий, готова была хвататься за соломинку.

«Один раз, – написала я. – И будем просто друзьями».

Вот скажи мне, на что я надеялась? Ведь не верила же я, в самом деле, что он ответит – ну да, конечно, какие проблемы, вот прям сейчас и приезжай.

Ну разумеется, он написал: «Нет, извини. Я себе этого не прощу».

Сложно описать мои чувства в данный момент. Мне казалось – все, больше я не смогу взглянуть ему глаза. Не смогу спокойно видеть его, без стыда.

Смогла. При новой встрече он ни словом не обмолвился о нашей переписке.

И это, на самом деле, было кошмарнее всего. Знаешь, иногда случаются вещи, после которых уже нельзя общаться как раньше. А он словно вычеркивал их из биографии, делал несуществующими. Будто бы ничего не значили ни мои слезы, ни мои, унижающие меня, просьбы.

И я купилась. Я тоже сделала вид, что ничего не было. Но на следующие выходные, когда родители снова уехали на дачу, попросила его приехать. Он отказал. Я умоляла. Он снова отказал.

Я кажусь тебе идиоткой?

Абрамов отрицательно покачал головой. А потом спросил – тихо, оставляя ей простор для выбора – услышать или не

услышать вопрос:

– Ты ненавидела его?

Таня покачала головой.

– Нет. Несмотря ни на что, я любила его. Это чудовище, делавшее мне больно.

С тяжелым сердцем он вышел из изолятора. Закинул портфель в машину, включил зажигание. Но, вместо того, чтобы ехать в отдел, набрал номер Насти.

– Алло? – ответила она после второго гудка.

– Как ты?

– Случилось что–то? – в ее голосе послышалось беспокойство.

– Нет, ничего. Просто звоню... чтобы услышать твой голос.

Она, через полгорода от него, вздохнула с облегчением:

– Уффф... А я уж испугалась – звонишь посреди рабочего дня...

Они проговорили минут десять. Повесив трубку Абрамов включил радио. «Наше радио» – то, которое он слушал с десяти лет и до сих пор.

И услышал:

И где–то хлопнет дверь,

И дрогнут провода.

Привет. Мы будем счастливы теперь.

И навсегда.

Теперь остается главная, самая тяжелая часть. Я не знаю, смогу ли рассказать ее подробно, с деталями – как делала до этого, или получится скомкано, непонятно... Я не знаю, я попробую. Если что, ты прости меня, я очень волнуюсь.

Их было двое в моей жизни: один – нежный, ласковый, любящий и мертвый; второй – самовлюбленный, эгоистичный, не желающий снизойти до меня даже на одну ночь, но живой. Я любила обоих.

К одному я ездила на могилу. Со вторым ходила в китайские рестораны. И, понимаешь, не чувствовала в этом никакого внутреннего противоречия.

Приближалась годовщина Андреевой смерти. Третья. Не помню, как пережила первые две – мне было так плохо, так больно. И этой, очередной, я боялась, страшно боялась.

Он был единственным, кому я могла довериться, с кем я могла быть в этот день с моей болью. Просто быть рядом, не говоря ни о чем. Нам были не нужны слова...

Я позвонила в середине дня и, к моему великому удивлению, он не отказался встретиться. Возможно, он услышал что-то в моих словах: «Ты нужен мне». Попросил только пару часов, чтобы закончить дела.

Я не понимала, хороший он или плохой, издевается надо мной или ненамеренно жесток в своей искренности, но в тот день это не имело значения. Он шел мне навстречу, и я была счастлива.

Какие мы странные все-таки, люди.

Мы встретились в центре, в кальян-баре недалеко от его дома. Он сразу заказал вишневый кальян и два коктейля— для себя и для меня. И ни о чем не спрашивал.

Я не помню, о чем мы болтали. Возможно, о его работе, где у него все было хорошо и где его ждало повышение. А может быть, о чем-то другом... У меня шумело в голове, я смотрела на его профиль, разрез глаз, и наслаждалась каждым мгновением, проведенным рядом с ним, каждым мгновением, отвлекавшим меня от мыслей о смерти Андрея.

Последовала вторая пара коктейлей. И третья.

Мы пошли гулять. Вечер был теплый. Мы шли вдоль канала Грибоедова. Я взяла Стаса под руку, и он не возражал.

— Я не хочу, чтобы этот вечер кончился, — сказала я.

— Пойдем ко мне, — буднично предложил он.

Нет, это было вовсе не то, что ты подумал, и мы оба это понимали. Он — когда делал предложение, я — когда его принимала. Это было просто «пойдем ко мне», и все.

Верь мне, я достаточно общалась с этим человеком, чтобы не заблуждаться на этот счет.

Мы купили бутылку вина и поднялись в его квартиру.

— У меня не убрано, — предупредил он, и в этом в очередной раз проявилось его ханжество. Я никогда раньше не видела, чтобы мужчины проявляли такую чистоплотность. Нигде — ни пылинки. Все на своих местах.

Мы сидели на диване и смотрели фильм. «Континум». Я прислонилась к нему плечом, и он не возражал. А во мне

плескалось три коктейля, и уже через полчаса я лежала у него на коленях, глядя его ладонь.

У него были такие маленькие руки, такие чуткие, длиннопалые...

В какой-то момент он погладил меня по волосам, я повернулась к нему...

– Тебе лучше уйти, – сказал он.

Сначала я подумала, что ослышалась, но он повторил:

– Тебе лучше уйти.

– Почему? – спросила я недоуменно.

Но я знала ответ! Это был момент его душевной слабости, это был момент, когда он был готов дать мне то, чего я хотела! Ну, или почти то... Я знала точно – его потянуло ко мне, он пожелал меня, но не хотел удовлетворять это желание.

Он увидел, что я его поняла. Ему не нужно было произносить ни слова – за него все сказало его тело. Его бастионы падали.

Я должна была успеть этим воспользоваться.

Я вскочила с дивана и, почти прокричав:

– Ты меня вынуждаешь! – стянула через голову платье.

Я гордилась своей фигурой. Я помнила прекрасно, как любовался ею Андрей, как восторгался моей талией, моими ногами.

Я не видела этого восторга в глазах Стаса... Слушай, я была для него словно одушевленным куском мяса, но он шагнул ко мне...

Поднял мое платье с пола, протянул и сказал:

– Тань, нам есть о чем поговорить.

Все. Что еще мне было нужно, чтобы закончить этот непонятный полу–роман? Можно ли было унизиться больше?

Я не думала об этом. Натянула платье и пошла следом за ним на кухню. Он взялся готовить чай – он волновался, руки у него дрожали, и я видела, что он по большому счету тоже человек, человек, который может испытывать эмоции. У него не выходило открыть свежую упаковку, и он взял нож – слишком большой для маленькой упаковки, полоснул им, чай посыпался на пол.

– Зачем ты это делаешь? – спросил он.

Я опешила.

– А разве не ясно?

– Мне – не ясно. Таня, мне безумно хорошо рядом с тобой. Мне интересно, а мне редко с кем бывает интересно, и я дорожу тобой... Но так больше нельзя. Сколько раз мне нужно сказать тебе «нет», чтобы ты поняла?

Я молчала. Слезы градом катились по щекам, а он словно этого не замечал.

– Я не могу. Я тебя не люблю, я тебя не хочу.

Его слова, будто нож в руках, кромсал мое сердце.

– А я не хочу быть с человеком, к которому ничего не испытываю. Даже секс для меня должен быть... одухотворенным, что ли, сопровождаться чувствами. Чувствами с моей стороны! Я не готов совершать механические телодвижения

в угоду тебе. Я не хочу тебя терять, и я надеюсь, ты сможешь меня понять, и мы останемся друзьями.

– Но сегодня... – начала я.

Он меня прервал:

– Сегодня я видел, что тебе плохо, я пошел тебе навстречу, и вот, к чему это нас привело, – он в раздражении швырнул нож на стол. – К ругани.

Я, все еще непонятно на что надеясь, подняла к нему заплаканное лицо:

– Ты уверен?

– Больше чем когда-либо. Таня, то что ты подумала сегодня... Я просто давно один. Я не хочу, чтобы между делом между нами двоими что-то случилось. Я слишком дорожу тобой.

– Не заметно.

Я спорила с ним. Я не хотела уходить с этой кухни, из его квартиры, из его жизни, я мечтала продлить эти мгновения рядом...

– Но это так.

– Мог бы хотя бы раз меня поцеловать.

Он задумался. В голове у него происходила какая-то работа... а потом он сделал шаг ко мне...

Да, это было. Я столько раз представляла это себе в мечтах, но ни одна мечта не могла сравниться с тем, как это было по-настоящему... Что толку описывать его губы, его запах...

Это длилось пару секунд, а потом Стас отстранился. А у

меня появились новые силы для борьбы.

Если он уступил мне раз, он уступит и второй. Да и потом... я знаю людей, отношения которых начинались с дружбы.

– Это больше не повторится, – предупредил он меня, но я не верила.

Закипел электрический чайник, и он отвернулся, говоря:

– Я пошел тебе навстречу, но больше так не сделаю. Ты слишком дорога мне, чтобы вот так тебя терять. Я повторяюсь... Таня... Пожалуй, я доверяю тебе больше, чем кому бы то ни было в этом мире... Правда. Ты не веришь?

Я помотала головой.

Он закусил губу, раздумывая...

– Таня, чтобы между нами не оставалось недомолвок, я расскажу тебе одну вещь, о которой никогда никому не говорил. Надеюсь, не надо упоминать, что эту тайну следует унести с собой в могилу. Я говорю только потому что доверяю тебе. Фактически, я вручаю тебе свою жизнь.

Я была заинтригована. Мне бы бежать, бежать прочь из квартиры, из города, от него, от его секретов...

Дура я, на что я рассчитывала?

– Это было три года назад... – сказал он, и мир мой снова рухнул в пропасть.

Ему было стыдно смотреть мне в глаза, и он отвернулся к окну. Не будь на окне занавесок, он увидел бы меня, выражение моего лица... все остальное. Он не видел. Смотрел в

темноту за окном и говорил, говорил...

Не слышал, как я встала, взяла нож со стола. Не слышал моих шагов.

Я до сих пор помню его скорее изумленный, чем испуганный вскрик, помню, какими глазами он смотрел на меня.

Я, плача, сказала:

– Это я была той девушкой...

Лезвие глубоко вошло ему в горло, заливая мои руки кровью человека, которого я любила, человека, которого так желала, человека в белом шарфе...

Матвеева замолкла. Молчал Абрамов, переваривая услышанное.

– Один поворот не в ту сторону, понимаешь? Всего один, но сколько всего он изменил... Мы каждый день делаем повороты, не задумываясь, что ждет нас за ними. То, что я сделала – это тоже был поворот. Я не могла поступить иначе. Помнишь, я клялась, что накажу убийцу Андрея?

– Ты задумалась? Хоть на секунду?

– Нет. Я слушала его. Про то, как он попал в плохую компанию. Про то, как то, что они творили на улицах, казалось ему развлечением. Чем-то крутым. Про то, как однажды они напали на ту семейную пару, а затем – на нас... Не было раздумий. Было... Да много чего. Боль. Сожаление. Облегчение. Ведь самого начала было ясно, что эта любовь – любовь-страдание...

– Но ты любила его!

– Да. Но я любила и Андрея.

Огромные глаза Татьяны, пустые как вычерпанные колодцы, казалось, смотрели Абрамову прямо душу.

– Так бывает, Саша. Любовь не всегда приносит радость. Иногда – и боль. Я любила Стаса, любила безумно, и я благодарна Богу за эту любовь, потому что она доказывает – я человек, я могу чувствовать. Но моя любовь не отменила того факта, что он – причина смерти Андрея. А я была готова на все ради своей любви... Понимаешь теперь, почему меня не пугают ни изолятор, ни колония? Меня больше вообще ничего не может напугать. Я умерла уже дважды: один раз – на том асфальте рядом с Андреем. Второй раз – на кухне в квартире Стаса... А в деле написано «личная неприязнь»...

Саша остановил машину у отдела. Припарковался кое-как, криво, косо, неправильно. Вышел, зашел, прошел в кабинет. Взял лист бумаги и ручку – первую попавшуюся. Написал пару строк и вышел в коридор. Несколько шагов, открытая дверь, и Панов поднял голову от стола с бумагами.

Саша молча положил на стол заявление. И развернулся, чтобы уйти.

Василию Георгиевичу понадобилось совсем немного времени, чтобы проглядеть написанное.

– Абрамов, не глупи! Ну, чего ты хочешь?! Хочешь, дело твое проблемное Петрову отдадим?!

Саша помотал головой.

– Не надо, Василий Георгиевич. Спасибо за все, но – не надо.

И, прежде чем Панов получил возможность начать его уговаривать, вышел из кабинета.

Он снова остановил машину у большого цветочного магазина. Выбрал пять роз – самых больших и самых ярких.

Настя открыла дверь после второго звонка. Волосы у нее были мокрые, в руках полотенце.

– Рано ты, – сказала она с удивлением. – Я даже думала, стоит ли из душа вылезать, мало ли, кого принесло...

– А я уволился, Насть, – сказал Саша.

И, широко улыбаясь, шагнул через порог.

Июль–август 2015 – август 2022.